

Ключи от твоего сердца

Автор:

[Колин Гувер](#)

Ключи от твоего сердца

Колин Гувер

Ключи от твоего сердца #1Сто оттенков любви

Состояние влюбленности подобно чувству, которое испытываешь при чтении хороших стихов. Оно заставляет ваше сердце биться чаще.

После смерти отца 18-летняя Лейкен становится обузой для матери и младшего брата. И хотя окружающим кажется, что у нее все хорошо, девушка считает, что смысл жизни для нее потерян. Но вот Лейкен встречает Уилла, и на небе расцветает радуга.

Они полюбили впервые. Магия первого чувства и стихи связывают их незримыми узами, но они еще не знают, какие сюрпризы приготовила им судьба...

Впервые на русском языке!

Колин Гувер

Ключи от твоего сердца

Посвящается группе «Братья Эйвитт» – благодаря им я смогла «решить, кем быть, и сделать мечту реальностью»

Роман является художественным произведением. Имена, герои, места и ситуации являются плодом воображения автора или же используются в художественных целях. Любое сходство с реальными лицами, живыми или умершими, событиями или местами является чистым совпадением.

Благодарности

Спасибо Эбигейл Эн из компании «Поэтри слэм инк.» за то, что она молниеносно отвечала на все мои вопросы. Дольфусу Рамсёру из «Ramseur Records» за разрешение на использование текстов группы «Братья Эйвитт» в начале каждой главы этой книги. Спасибо моим сестрам Лин и Мёрфи за то, что они поделились со мной все потрясающие составляющие ДНК нашего отца. Спасибо моей матери Вэнной за то, что она любит «Mystery Bob» и поддерживает мои увлечения. Спасибо Жан-Энн и Экси за дизайн обложки. Спасибо моему великолепному мужу и детям за то, что целых четыре недели они сами стирали белье и мыли посуду, пока я запиралась в спальне и писала. Спасибо Джессике Бенсон-Спаркс за ее доброе сердце и готовность помочь. И наконец, огромное спасибо моему «тренеру по жизни» Стефани Коэн – она невероятно потрясающая!

Часть 1

Глава 1

...I'm as nowhere as I can be,

Could you add some somewhere to me?

«The Avett Brothers». Salina[1 - ...Я нахожусь в середине «нигде»,Поможешь мне превратить его в «где»?«Братья Эйвитт». Салина]

Мы с Келом ставим в фургон последние коробки. Я захлопываю дверь и запираю на замок восемнадцать лет воспоминаний, каждое из которых так или иначе связано с папой.

Со дня его смерти прошло уже шесть месяцев. Вполне достаточно, чтобы мой девятилетний братишка Кел уже не плакал каждый раз, когда мы вспоминаем папу, и в то же время слишком мало, чтобы смириться с финансовыми последствиями нашего превращения в «семью с одним кормильцем». Семью, которая не может позволить себе остаться в Техасе – месте, где я родилась и выросла...

– Лейк, не будь пессимисткой, – говорит мама, протягивая мне ключи от дома. – Думаю, тебе очень понравится в Мичигане!

Она никогда не называет меня моим настоящим именем. Все девять месяцев они с папой спорили, как меня назвать. Маме нравилось имя Лейла, потому что она обожала песни Эрика Клэптона, а папа настаивал на Кеннеди, потому что обожал Кеннеди. «Не важно, какого именно Кеннеди, я в восторге от всей этой семейки», – говорил он.

Через три дня после моего рождения регистратура роддома все-таки заставила их сделать выбор. Родители решили взять первые три буквы от обоих имен и сошлись на компромиссном варианте – Лейкен, но так меня никто никогда не называет.

– Мама, не будь такой оптимисткой! – передразниваю ее я. – Думаю, мне очень не понравится в Мичигане!

У мамы есть поразительная способность прочитать целую лекцию с помощью одного-единственного взгляда. И сейчас этот взгляд предназначен мне.

Поднявшись на крыльцо, я открываю дверь и обхожу весь дом, прежде чем в последний раз повернуть ключ в замке. В комнатах царит зловещая пустота. Даже не верится, что я иду по тому самому дому, где прожила всю жизнь, с самого рождения. В последние полгода на нас обрушился целый шквал переживаний, причем совершенно нерадостных. Да, я прекрасно понимала, что нам все равно пришлось бы переехать, но все-таки надеялась, что успею окончить школу.

Я стою в теперь уже не нашей кухне и вдруг на полу под навесным шкафчиком, там, где раньше был холодильник, замечаю фиолетовую пластмассовую заколку. Я поднимаю ее, стираю пыль и долго верчу в руках. «Они отрастут», – утешал меня папа.

Мне было тогда лет пять. Мама случайно оставила парикмахерские ножницы на столике в ванной, и я, разумеется, сделала то, что сделал бы любой ребенок в этом возрасте, – обрезала себе волосы.

– Мама рассердится! – разрыдалась я.

Я-то думала, что волосы отрастут почти сразу и никто ничего не заметит! Умудрившись отрезать довольно большую прядь от челки, я уселась перед зеркалом и примерно час провела в ожидании, что волосы чудесным образом отрастут. Потом подняла с пола прямые каштановые прядки и, зажав их в кулаке, принялась думать, как же приделать их обратно, а потом разревелась.

Папа вошел в ванную, увидел, что я натворила, рассмеялся, взял меня на руки и посадил на столик.

– Мамочка ничего не заметит, Лейк, – заверил он меня, доставая что-то из шкафчика. – У меня есть одно волшебное средство! – Он разжал кулак и показал фиолетовую заколку. – Пока ты носишь эту заколку, мамочка ничего не заметит! Видишь? – Он закрепил заколкой остатки моей несчастной челки и развернул меня лицом к зеркалу. – Совсем как новенькая!

Глядя на нас в зеркало, я считала себя самой счастливой девочкой на свете. Ну у кого еще есть такой папа с волшебными заколками?!

На протяжении двух месяцев я не снимала заколку, и мама ни разу ничего мне не сказала. Сейчас я понимаю, что папа наверняка рассказал ей о моей проделке, но в пять лет я свято верила, что мой папа – настоящий волшебник.

Внешне я больше похожа на маму, чем на отца. Мы с ней одного роста. Конечно, родив двоих детей, она уже не влезает в мои джинсы, но остальной одеждой мы вполне можем меняться. У нас обеих каштановые волосы – прямые или вьющиеся в зависимости от погоды. Ее глаза более глубокого изумрудного оттенка, чем

мои, а может быть, у нее просто более светлая кожа, поэтому глаза и кажутся ярче.

Но вот в остальном я копия моего папы: у нас обоих жестковатое чувство юмора, одинаковый характер, мы оба обожаем музыку, даже смеемся одинаково. Кел совсем другой. Он похож на папу внешне: те же светлые волосы пепельного оттенка и мягкие черты лица. Для своих девяти лет Кел маловат ростом, но в остальном развит не по годам.

Подойдя к раковине, я открываю кран, подставляю заколку под струю воды и оттираю въевшуюся за тринадцать лет грязь. Я уже вытираю руки о джинсы, когда в кухню, пятясь, входит Кел. Он странноватый ребенок, но я его просто обожаю. Любимая игра брата называется «наоборотный день»: он почти все время ходит спиной вперед, говорит задом наперед и даже просит, чтобы ему сначала подавали десерт, а потом горячее. Других братьев и сестер у него нет, разница в возрасте у нас большая, поэтому ему, видимо, пришлось научиться как-то развлекать себя самостоятельно.

– Скорее давай, говорит мама, Лейкен! – выпаливает он задом наперед.

Я убираю заколку в карман, выхожу на крыльцо и в последний раз запираю за собой дверь родного дома.

* * *

Следующие несколько дней мы с мамой по очереди ведем мой джип и фургон, всего два раза останавливаясь переночевать в гостинице. Кел едет в фургоне то со мной, то с мамой. В последний день он сидит рядом со мной. Ночью мы совершаем последний девятичасовой рывок всего с одной короткой остановкой. По мере приближения к нашему новому месту жительства, городу Ипсиланти, я разглядываю окрестности, пытаюсь смириться с тем, что в начале сентября здесь уже приходится включать печку. Похоже, мне понадобится обновить гардероб...

Последний поворот направо – и навигатор сообщает, что мы «прибыли в ваш пункт назначения».

– Мой пункт назначения! – смеюсь я.

Навигатор даже не подозревает, насколько он далек от истины!

Улочка совсем небольшая, примерно по восемь одноэтажных кирпичных домиков с каждой стороны. Между домами виднеется баскетбольная площадка, – надеюсь, Келу будет с кем покидать мячик. Похоже, район вполне приличный: аккуратно постриженные лужайки, безупречно чистый тротуар... Но слишком много бетона. Просто до неприличия много! Я уже хочу обратно домой...

Наш новый хозяин скидывал нам по почте фотографии дома, поэтому я сразу понимаю, какой из них наш. Маленький. Очень маленький! В Техасе у нас было ранчо и несколько акров земли, а здесь крошечная, залитая бетоном площадка, на которой стоит пара садовых гномов... Входная дверь открыта, на крыльцо выходит пожилой мужчина и машет нам рукой – судя по всему, хозяин дома.

Я проезжаю метров пятьдесят мимо дома и задом заезжаю во двор, чтобы прицеп оказался поближе к входу. Перед тем как сдать назад, я поворачиваюсь к спящему Келу и трясусь его за плечо. Он дрыхнет с самой Индианы.

– Кел, просыпайся! – шепчу я. – Мы прибыли в пункт нашего назначения!

Он потягивается, зевает, а потом прижимается лбом к стеклу, разглядывая наш новый дом.

– Смотри, а там во дворе какой-то мальчик! Как ты думаешь, мы в одном доме живем?

– Надеюсь, что нет, – отзываюсь я. – Наверное, наш сосед. Беги знакомиться, а я пока машину поставлю.

Загнав фургон во двор, я переключаюсь в режим парковки, закрываю окна и глушу двигатель. Мама заезжает во двор на моем джипе, паркуется рядом, выходит из машины и здоровается с хозяином. Я немного съезживаюсь и съезжаю вниз по сиденью, упираясь ногами в пол. Кел и его новый друг дерутся на воображаемых мечах... Как же я ему завидую! Он относится к нашему переезду с такой легкостью, а я... Я веду себя, как сердитый, обиженный ребенок.

Когда мама решила, что мы переезжаем, Кел расстроился. В основном из-за того, что был самый разгар чемпионата малой лиги. Конечно, у него остались друзья, по которым он будет скучать, но когда тебе девять лет, твой лучший друг обычно воображаемый и живет где-нибудь за океаном. Мама ловко управилась с ним, пообещав, что обязательно запишет его на хоккей, как только мы переедем в Мичиган. В Техасе, да и вообще на Юге, хоккей не очень-то жалуют. Стоило маме пообещать ему это, как он сразу повеселел и чуть ли не с нетерпением ждал переезда.

Я понимаю, почему нам приходится уехать из Техаса. Папа неплохо зарабатывал – он был управляющим в магазине красок. При необходимости мама подрабатывала медсестрой, но большую часть времени проводила с нами дома. Спустя месяц после его смерти ей удалось найти постоянную работу. Я прекрасно видела, в каком шоке она пребывает после смерти папы, а тут на нее свалились еще и обязанности главы семейства.

Однажды за ужином она объяснила, что ее заработка не хватит, чтобы оплачивать все счета и погашать ипотеку, и что ей предложили более высокооплачиваемую работу, но нам придется переехать. Ее старая школьная подруга Бренда нашла хороший вариант. Мама и Бренда родились и выросли в городке под названием Ипсиланти, недалеко от Детройта. Там зарплаты были куда выше, чем в Техасе, так что особенного выбора у нас не было. Я не виню ее за то, что нам пришлось переехать. Бабушка с дедушкой умерли, помочь ей некому. Я понимаю, почему мы были вынуждены так поступить, но иногда оттого, что ты понимаешь, легче не становится.

– Лейкен, ты убита! – кричит Кел через открытое окно, вонзая воображаемый меч мне в горло и ожидая, что сейчас ему влетит, но я лишь закатываю глаза. – Я заколол тебя! Ты должна умереть!

– Поверь мне, я и так уже практически труп! – бурчу я себе под нос, выходя из машины.

Кел ссутуливается и грустно смотрит себе под ноги, воображаемый меч волочится по бетону. Его новый друг выглядит не лучше, и я тут же жалею, что сорвала на детях свое плохое настроение.

– Я уже умерла, – глухо рычу я, изображая жуткое чудовище, – потому что я зомби!

Подняв руки перед собой и склонив голову на сторону, я направляюсь в их сторону. Мальчики визжат от ужаса и восторга и прячутся от меня за прицепом.

– Мозг! – хриплю я и, прихрамывая, бреду за ними. – Я съем ваш мозг!

Медленно обойдя кабину фургона, я вдруг обнаруживаю, что кто-то держит моего брата и его нового друга за воротники рубашек.

– Поймал! – кричит незнакомец, не выпуская орущих мальчишек из рук.

Он намного выше меня ростом и выглядит на пару лет старше. Большинство девчонок назвали бы его красавчиком, но я не большинство. Мальчики извиваются в его руках, но он держит их крепко, и я вижу, как напрягаются под рубашкой его мышцы.

В отличие от нас с Келом в этих двоих сразу видно сходство, и ясно, что они братья. За исключением очевидной разницы в возрасте, они похожи как две капли воды: мягкая, слегка смуглая кожа, черные как смоль волосы... Да у них даже стрижки одинаковые! Кел вырывается из его рук и начинает рубить его «мечом», а он громко смеется, смотрит на меня и, беззвучно шевеля губами, зовет на помощь. И тут я понимаю, что до сих пор стою в позе зомби!

Сначала мне хочется быстренько залезть обратно в кабину фургона и спрятаться под сиденьем на всю оставшуюся жизнь. Но нет. Вместо этого я громко кричу: «Мозг!» – и бросаюсь к ним, притворяясь, что вот-вот укушу его младшего брата за макушку. Я хватаю Кела и его нового друга и начинаю щекотать их, пока они от смеха не валятся на землю, точнее, на бетонное покрытие въезда во двор.

Выпрямившись, я обнаруживаю, что старший брат протягивает мне руку.

– Привет! Меня зовут Уилл. Мы живем в доме напротив, – сообщает он, показывая рукой через дорогу.

– Я Лейкен. Кажется, я живу здесь, – неуверенно произношу я, пожимая ему руку и бросая через плечо взгляд на наш новый дом.

Он улыбается. Рукопожатие длится бесконечно долго, мы оба неловко молчим. Ненавижу такие моменты!

– Ну что ж, добро пожаловать в Ипсиланти! – Уилл убирает руку в карман куртки. – А откуда вы приехали?

– Из Техаса? – говорю я, не понимая, почему вместо ответа у меня получается вопрос.

А еще я не понимаю, зачем пытаюсь думать о том, почему у меня вместо ответа получается вопрос. Не понимаю, зачем я пытаюсь думать о том, почему я пытаюсь думать, – я просто в шоке! Наверное, это все от недосыпа за последние трое суток.

– Техас, значит? – переспрашивает он, качаясь с пятки на носок.

Я чувствую себя совсем неловко из-за того, что не знаю, как ответить. Уилл смотрит на лежащего на земле младшего брата, наклоняется и поднимает его за щиколотки.

– А кое-кому, кстати, пора в школу, – заявляет он, закидывая мальчика себе на плечи. – К вечеру обещают холодный фронт, поэтому постарайтесь разгрузить бульшую часть сегодня. Холода простоят несколько дней, так что если вам, ребята, потребуется помощь сегодня вечером – позовите. Мы вернемся часам к четырем.

– Конечно, спасибо! – благодарю я.

Братья переходят через улицу, я смотрю им вслед, и тут Кел вонзает «меч» прямо мне в поясницу. Я падаю на колени, хватаюсь за живот и валюсь навзничь. Кел тут же забирается на меня, намереваясь добить жертву. Украдкой бросив еще один взгляд на дом напротив, я замечаю, что Уилл смотрит на нас. Он сажает брата в машину, закрывает дверь, садится за руль и машет нам на прощание.

* * *

У нас столько коробок и мебели, что большая часть дня уходит на разгрузку. Хозяин дома помогает занести внутрь крупные предметы, которые нам с мамой самим не поднять. Вконец устав, мы решаем отложить разгрузку коробок из джипа до завтра. Я немного разочарована, что мы успели разобраться с прицепом, – теперь у меня нет повода попросить Уилла о помощи. Как только мы собрали мою кровать, я начинаю переносить коробки с пометкой «Лейкен» из коридора в свою новую комнату. Разобрав большую часть вещей и застелив кровать, я замечаю, что мебель отбрасывает длинные тени на стены, выглядываю в окно и вижу, что солнце стоит низко над горизонтом: то ли дни здесь намного короче, то ли я совсем потеряла счет времени.

Я выхожу на кухню. Мама и Кел расставляют посуду по шкафчикам. Я залезаю на один из шести стульев у барной стойки, которая одновременно служит и столовой, потому что столовой как таковой у нас теперь нет. Дом как дом, ничего особенного: войдя, сразу попадаешь в крошечный холл, а потом в гостиную. Слева гостиная отделяется от кухни небольшим коридором, а справа – окном. На полу лежит бежевый ковер, а в остальных комнатах – просто паркет.

– Здесь так чисто, – замечает мама, продолжая расставлять посуду. – Я ни единого жучка не видела!

В Техасе насекомых больше, чем травы: обычно если вы не отмахиваетесь от мух, то пытаетесь избавиться от ос.

– На этом достоинства Мичигана, похоже, заканчиваются, – мрачно отвечаю я, открывая коробку с пиццей и разглядывая содержимое.

– Заканчиваются? Неужели? – подмигивает мама, перегибается через стойку, берет кусочек с пеперони и кладет его в рот. – А я-то думала, что ты уже нашла как минимум еще одно...

Я делаю вид, что не понимаю, куда она клонит.

– А как же тот парень, с которым ты говорила утром? – с улыбкой спрашивает она.

– Мама, перестань! – отмахиваюсь я с совершенно равнодушным видом. – Думаю, ты не станешь со мной спорить: особи мужского пола и правда обитают не только в Техасе! – пытаюсь отшутиться я, доставая из холодильника лимонад.

– Что такое «обитают»? – спрашивает Кел.

– Обитают, – поправляю его я. – «Обитать» значит «присутствовать, занимать территорию, иметь ареал, быть распространенным, населять» – в общем, «жить», – тарабаню я, думая о том, что, судя по всему, подготовительные курсы все-таки окупилась.

– А, понятно! Значит, мы убитаем в Ипсиланти?

– Обитаем, – терпеливо поправляю его я, доедаю свой кусочек пиццы и допиваю лимонад. – Все, ребята, я совсем никакая, пойду спать.

– Значит, ты пойдешь обитать к себе в комнату? – не унимается Кел.

– А ты схватываешь на лету, кузнечик. – Я целую его в макушку и удаляюсь к себе.

Как приятно наконец-то забраться под одеяло! В свою родную кровать! А что еще у меня осталось? Закрыв глаза, я пытаюсь представить, что нахожусь в старой спальне. В моей старой спальне, где так тепло и уютно... Простыни и подушка просто ледяные, поэтому я накрываюсь одеялом с головой, чтобы надышать, и напоминаю себе: с утра первым делом надо отрегулировать термостат.

* * *

Именно этим я и собираюсь заняться, едва встав с постели и коснувшись ногами ледяного пола. Быстро нашарив в шкафу первый подвернувшийся под руку свитер, я натягиваю его прямо на пижаму и срочно ищу носки, но без особого успеха. Тихонько семеня на цыпочках по коридору, я стараюсь никого не разбудить, но при этом свести к минимуму площадь соприкосновения ног с холодным твердым паркетом. У входа в комнату Кела стоят его тапочки с

Дартом Вейдером[2 - Дарт Вегйдер, он же Энакин Скайуокер, – главный герой киноэпопеи «Звездные войны»]. Я быстро влезая в них и вздыхаю с облегчением.

Ищу на кухне кофейник, но он как сквозь землю провалился! И тут я вспоминаю, что он в одной из коробок в джипе. Плохая новость, поскольку джип припаркован на улице, а там до неприличия холодно.

Куртку найти тоже не удастся – в Техасе в сентябре в куртках не ходят. Схватив ключи, я решаю совершить безумную вылазку к джипу, открываю дверь и обнаруживаю, что весь двор засыпан каким-то подозрительным белым веществом – до меня даже не сразу доходит, что это такое! Снег?! В сентябре?! Я наклоняюсь, пробую вещество на ощупь и прихожу к выводу, что у нас в Техасе снег мало того что идет редко, так он еще и совсем другой! В Техасе снег больше напоминает крошечные крупинки твердого льда и похож на град, а в Мичигане снег настоящий! Именно так я себе его и представляла: мягкие холодные хлопья! Я быстро отряхиваю руки, вытираю их о свитер и бегу к джипу.

Однако далеко убежать мне не удастся: стоит тапочкам Дарта Вейдера ступить за порог, на припорошенный снегом бетон, как джип исчезает из моего поля зрения. Я падаю на спину и созерцаю ясное голубое небо. Правое плечо сразу же пронзает острая боль, я понимаю, что ударилась обо что-то твердое, и извлекаю из-под себя гипсового садового гнома. Половина красного колпачка отвалилась и разбилась вдребезги. Он глупо улыбается, насмехаясь над моими страданиями. Со стоном я поднимаю гнома здоровой рукой и уже собираюсь расколотить его окончательно, но тут раздается чей-то голос:

– Плохая идея!

Это Уилл – я сразу узнала! Мягкий и успокаивающий, но в то же время строгий голос – совсем как у моего папы. Я приподнимаюсь и вижу, как он идет ко мне по дорожке.

– Ты в порядке? – едва сдерживая смех, спрашивает он.

– Буду в порядке, когда расколочу эту хрень! – отвечаю я, пытаюсь встать, но без особого успеха.

– Лучше не стоит, гномы приносят удачу! – Он помогает мне встать, забирает у меня гнома и аккуратно ставит его на заснеженную траву.

– Ага, – отзываюсь я, дотрагиваясь до больного плеча – на рукаве толстовки расплывается яркое красное пятно. – Удачу, как же!

– О господи, прости пожалуйста! – Уилл перестает смеяться и с ужасом смотрит на мое плечо. – Прости, я бы не стал шутить, если бы заметил, что ты сильно ударилась. Надо наложить повязку. – Он наклоняется, берет меня за здоровую руку и поднимает на ноги.

– Ну сейчас мне вряд ли удастся откопать дома пластырь, – отвечаю я, вспоминая о грудке коробок, которые мы так и не успели разобрать.

– Пойдем, у нас на кухне точно есть!

Он снимает куртку и накидывает ее мне на плечи, ласково придерживая меня под локоть, пока мы переходим улицу. Мне немного смешно, что он так со мной обращается: я вполне могу идти сама, однако не протестую, и на данный момент все феминистки и иже с ними кажутся мне крайне странными барышнями. До чего я докатилась! Девушка попала в беду и ждет, пока прекрасный принц спасет ее!

Я снимаю и кладу на спинку дивана куртку, а потом иду следом за Уиллом на кухню. Еще не рассвело, поэтому в доме, наверное, еще все спят. Их дом гораздо просторнее нашего: коридор и холл примерно такого же размера, но гостиная на несколько метров больше. А еще есть большой застекленный эркер с видом на задний двор. У окна стоит диванчик с большими уютными подушками.

На стене рядом с кухней висят несколько семейных фотографий. В основном Уилла и его младшего брата, но на некоторых есть и родители. Я подхожу поближе, чтобы рассмотреть их, пока Уилл ищет бинт. Видимо, оба сына пошли в папу. На самой свежей фотографии, которой тоже уже несколько лет, отец обнимает сыновей за плечи, – похоже, фотограф застал их врасплох. В черных как смоль волосах мужчины пробивается седина, он широко улыбается из-под густых черных усов и очень похож на Уилла: та же белозубая улыбка, в глазах пляшут радостные искорки.

Судя по фотографиям, мама Уилла – просто красавица: высокая блондинка с длинными волосами. Мальчики, кажется, не очень на нее похожи. Хотя, возможно, Уилл унаследовал ее характер. Фотографии на стене в очередной раз доказывают мне, что, в отличие от нашего, это настоящий дом.

Я прохожу на кухню и усаживаюсь за барную стойку.

– Рану сначала надо обработать, а потом уже наклеить пластырь, – говорит Уилл, закатывая рукава и открывая кран.

На нем бледно-желтая рубашка с воротничком, в ярком освещении ткань слегка просвечивает и под ней виднеется майка. У него широкие плечи, рукава туго обтягивают бицепсы. Макушкой Уилл то и дело задевает висящий над ним шкафчик. Быстро прикинув, что кухни у нас почти идентичные, я делаю вывод, что он сантиметров на двенадцать выше меня. Пока я изучаю узор на черном галстуке, который Уилл перекинул через плечо, чтобы не намочить, он выключает воду и подходит к стойке. Смущенная своим излишним вниманием к его телу, я чувствую, как лицо заливает предательский румянец, и поспешно выхватываю из его рук мокрую салфетку.

– Все в порядке, – говорю я, спуская рукав с плеча, – я сама.

Он открывает пластырь, пока я вытираю кровь, и спрашивает:

– И что же ты делала на улице в семь утра в одной пижаме? Вы еще не все разобрали?

– Кофе искала, – качаю головой я и кидаю салфетку в корзину для мусора.

– Ясно. В общем, ты, похоже, не жаворонок. – И это не вопрос – слова его звучат, скорее, утвердительно.

Он подходит ближе, чтобы заклеить ссадину пластырем, я чувствую его дыхание на своей шее и потираю руки, чтобы он не заметил мгновенно покрывшие кожу мурашки. Прилепив пластырь, он аккуратно разглаживает его и довольно заявляет:

– Ну вот! Совсем как новенькая!

– Спасибо! Я, кстати, жаворонок. Но только после того, как попью кофе. – Я встаю, глядя куда-то через плечо, делая вид, что проверяю, хорошо ли держится пластырь, а сама в панике думаю, что же делать дальше.

«Спасибо» я уже сказала. Можно просто развернуться и уйти, но это как-то невежливо, после того как он потратил на меня столько времени. А если буду просто стоять и ждать, пока он что-нибудь произнесет, то рискую выглядеть дурой, которая не понимает, что пора уходить. И почему, когда он рядом, я начинаю задумываться, прежде чем сделать какие-то элементарные вещи? Он же просто еще один «обитатель», вот и все.

Обернувшись, я обнаруживаю, что Уилл стоит у стойки и наливает кофе. Он подходит и ставит передо мной чашку:

– Сахар, сливки?

– Нет, спасибо, – смущенно отвечаю я.

Пока я пью кофе, он облакачивается о стойку и разглядывает меня темно-зелеными глазами – совсем как у его мамы на фотографии. Значит, в чем-то он все-таки на нее похож. Уилл улыбается, отводит взгляд и смотрит на часы.

– Мне пора на работу, брат ждет в машине. Пойдем, провожу тебя домой. Чашку можешь взять с собой.

Прежде чем сделать очередной глоток, я замечаю, что на чашке большими буквами с завитушками написано: «Лучшему папе на свете». Мой папа пил кофе из точно такой же чашки!

– Спасибо, я сама дойду, – отказываюсь я, направляясь к выходу, – я вроде как освоила прямохождение.

Уилл выходит вместе со мной на крыльцо, захлопывает за собой дверь и уговаривает меня взять его куртку. Я накидываю ее на плечи, еще раз благодарю его и иду через дорогу. Уже у самой двери я вдруг слышу за спиной

его голос:

– Лейкен! Да пребудет с тобой великая сила!

Я оборачиваюсь и вижу, что он все еще стоит на дороге.

– Да пребудет с тобой великая сила! – повторяет он и со смехом запрыгивает в машину.

А я продолжаю молча стоять, уставившись на свои тапочки с Дартом Вейдером...
Классика жанра!

* * *

Кофе сделал свое дело: я нашла термостат, и к обеду дом наконец стал прогреваться. Мама с Келом ушли в обслуживающую компанию, чтобы оформить все на мамино имя, а я осталась разбирать последние коробки (если не считать тех, что мы еще не принесли из джипа). Я распаковываю часть вещей, а потом решаю, что пора принять душ, а то я уже дня три экономлю воду, как фанатичная сторонница партии зеленых.

Выйдя из душа и завернувшись в полотенце, я наклоняю голову вперед, расчесываю и сушу волосы. Потом направляю фен на запотевшее зеркало и высушиваю небольшой кружок, чтобы накраситься. Загар постепенно начинает сходить. Похоже, здесь нам придется загорать нечасто, так что можно привыкать к более бледной коже.

Зачесав волосы назад, я собираю их в хвост, чуть трогаю губы блеском и накладываю немного туши на ресницы. Румяна отодвигаю в сторону. Здесь они мне вряд ли понадобятся: румянец и без того не сходит со щек – то от холодного ветра, то от смущения, когда разговариваю с Уиллом...

Пока я была в душе, мама и Кел уже вернулись и снова ушли. Она оставила мне записку, что они с Келом и ее подругой Брендой поедут в город возвращать фургон. На стойке лежат три купюры по двадцать долларов, ключи от машины и список продуктов. Я кладу все в карман и иду к джипу. На этот раз мне удастся добраться без приключений.

Включая заднюю передачу, я вдруг осознаю, что понятия не имею, куда ехать. Об этом городе я не знаю ровным счетом ничего. Не знаю даже, куда свернуть в конце нашей улицы, налево или направо. Младший брат Уилла играет во дворе перед домом, поэтому я подъезжаю к забору, опускаю пассажирское окно и подзываю его:

– Эй, можно тебя на секундочку?

Он неуверенно смотрит на меня, но не двигается с места: наверное, боится, что я снова превращусь в зомби. Потом все-таки подходит к машине, но останавливается метрах в трех.

– Как доехать до ближайшего продуктового магазина? – спрашиваю я.

– Ты серьезно?! Мне же девять лет! – закатывает он глаза.

«Ясно, – думаю я, – значит, они с братом похожи только внешне», – но вслух говорю:

– Ну все равно спасибо. Тебя как зовут-то?

– Дарт Вейдер! – с ехидной улыбочкой выпаливает он, смеется и убегает.

Дарт Вейдер?! До меня постепенно доходит, что он намекает на тапочки, в которых я красовалась сегодня утром. Но это совершенно не важно. Важно, что Уилл наверняка говорил с ним обо мне. Я невольно начинаю представлять себе, о чем они говорили, что думает обо мне Уилл... Если он вообще что-то думает. Не знаю почему, но я-то думаю о нем куда больше, чем хотелось бы: гадаю, сколько ему лет, на какой программе он учится, есть ли у него, не дай бог, девушка...

К счастью, у меня в Техасе никаких бойфрендов не осталось. Последний год я ни с кем не встречалась. Учеба, работа, Кел, которого надо было возить на тренировки, – тут не до парней. Теперь, вероятно, придется превратиться из человека, у которого нет ни минуты свободного времени, в человека, которому совершенно нечем заняться.

Я лезу в бардачок в поисках навигатора и тут слышу голос Уилла:

- Плохая идея!

Он подходит к машине, я изо всех сил пытаюсь сдержать улыбку, которая все равно расплывается на лице, и подключаю навигатор:

- Почему плохая?

- Сейчас много где ведутся дорожные работы, - объясняет Уилл, скрестив руки на груди и заглядывая в окно. - С этой штукой наверняка заблудишься.

Пока я лихорадочно соображаю, что ответить, к дому подъезжают Бренда и мама. Бренда опускает водительское окно, и мама, потянувшись к нему со своего места, кричит:

- Не забудь купить стиральный порошок! Не помню, включила ли я его в список! И сироп от кашля. Я, кажется, заболеваю!

Кел выпрыгивает из машины, подбегает к брату Уилла и зовет его к нам, посмотреть, как мы живем.

- Можно мне пойти? - спрашивает тот у Уилла.

- Конечно иди, Колдер, - разрешает Уилл, открывая дверь с пассажирской стороны. - Я съезжу с Лейкен в магазин и скоро вернусь.

«Съезжу с Лейкен в магазин?!» А спросить слабо?! Я возмущенно смотрю на него, но он уже пристегивается.

- Я плохо умею объяснять. Ты не против, если я просто съезжу с тобой?

- Да нет, не против, - смеюсь в ответ я.

Я оглядываюсь на Бренду и маму, но они уже заехали во двор. Я трогаюсь с места и, следуя указаниям Уилла, выезжаю на шоссе.

– Значит, твоего братишку зовут Колдер? – говорю я, пытаюсь хоть как-то поддержать разговор.

– Единственный и неповторимый. Родители много лет пытались завести второго ребенка, и наконец появился Колдер. К тому времени имена типа Уилл давно вышли из моды.

– А мне нравится твое имя! – вылетает у меня изо рта, и я тут же жалею о сказанном: еще подумает, что я с ним кокетничаю!

Он смеется. Мне нравится его смех. Нравится! И это меня бесит!

Я вздрагиваю от неожиданности, когда он убирает волосы с моего плеча и дотрагивается до шеи. Его пальцы забираются под воротник и ощупывают мое плечо.

– Надо будет поменять пластырь, – замечает он, поправляя на мне рубашку и поглаживая плечо.

– Напомни купить его в магазине, – говорю я, чувствуя, как по шее прокатывается горячая волна, но изо всех сил пытаюсь сохранять самообладание.

– Итак, Лейкен... – начинает он и на секунду замолкает, глядя через плечо на коробки, громоздящиеся на заднем сиденье. – Расскажи о себе.

– О нет. Все так банально!

– Ладно, – улыбается он. – Придется самому выяснять, что ты за человек!

Он наклоняется и нажимает на магнитоле кнопку «Извлечь диск». Движения такие плавные, как будто он тренировался годами. Завидую. Сама я никогда не отличалась особой грациозностью.

– Знаешь, о человеке многое можно сказать по тому, что за музыку он слушает, – продолжает он, доставая диск, и удивленно смеется. – «Всякая фигня Лейкен»?! В смысле? Твоя фигня или фигня в твоём стиле?

– Просто я не люблю, когда Кел без спроса берет мою фигню. Понятно? – Я забираю у него диск и вставляю обратно в магнитолау.

Из колонок на полной громкости доносятся звуки банджо, и мне сразу становится неловко. Я, конечно, из Техаса, но не хочу, чтобы Уилл решил, что я люблю кантри! Вот уж по чему я точно не буду скучать, уехав из Техаса, так это по музыке в стиле кантри! Я убавляю громкость, но он хватает меня за руку.

– Не надо! Я знаю эту песню! – протестует он.

Я поворачиваю ручку громкости обратно. Да быть такого не может! Врет наверняка! Фу, какой дурацкий способ заигрывать с девушкой!

– Да что ты?! – не сдаюсь я. – И что же это за группа?

– Это «Братья Эйвитт»[3 - «Братья Эйвитт» («The Avett Brothers») – американская фолк-рок-группа из Северной Каролины. Сет Эйвитт играет на гитаре, его брат Скотт Эйвитт – на банджо. – Здесь и далее примеч. перев.], – отвечает он, – песня у меня проходит под названием «Габриэла», но она вроде из альбома «Песенки милашки». Тут еще такая классная кода, когда электрогитары вступают!

– Тебе нравятся «Братья Эйвитт»? – недоверчиво переспрашиваю я, убедившись в том, что он и правда знает, о ком речь.

– Нравятся? Да я их обожаю! В прошлом году они выступали в Детройте. Лучший концерт из всех, на которых мне довелось побывать!

Адреналин ударяет мне в голову, рука нерешительно застывает на регуляторе громкости, и я не могу отвести взгляд от его ладони, по-прежнему сжимающей мои пальцы. Мне приятно. Приятно! И это меня бесит! Мне, конечно, не впервой влюбляться в парня, но такой реакции на самые банальные вещи еще никогда не бывало!

Он видит, что я смотрю на наши руки, убирает ладонь и машинально потирает ее о штанину немного нервным жестом. Неужели тоже стесняется?

Музыку, которую я слушаю, мейнстримом не назовешь. Редко встречаются люди, которые хотя бы слышали названия моих любимых групп. Однако «Братья Эйвитт» – мои самые-самые любимые!

Мы с папой часто засиживались допоздна и вместе пели, а он пытался подобрать аккорды на гитаре. Однажды он сказал об этой группе так: «Знаешь, Лейк, группу можно назвать талантливой, если ее музыка совершенна в своем несовершенстве».

Что конкретно папа имел в виду, я поняла, только когда начала слушать их песни по-настоящему: сбивчивые переборы банджо, страстные, но дисгармоничные ноты, вокал, переходящий из мягкого тона в рычание, а потом срывающийся на крик, – и все это в пределах одного куплета! Вот что составляет суть и характер их музыки, делая ее настоящей.

После смерти отца мама раньше времени вручила мне подарок, который он приготовил на мое восемнадцатилетие: два билета на концерт «Братьев Эйвитт». Мысль о том, как он, наверное, мечтал о моменте, когда сможет отдать их мне, заставила меня расплакаться. Я понимала, что должна пойти на концерт, что папе это понравилось бы, но не смогла. Выступление группы должно было состояться всего через несколько недель после его смерти, и я все равно не смогла бы получить удовольствие... По крайней мере, не такое, как если бы мы пошли туда вместе.

– Я тоже их обожаю, – неуверенно произношу я.

– А на концерте была? – спрашивает Уилл.

Сама не знаю зачем, но постепенно я рассказываю ему о папе. Уилл внимательно слушает и перебивает, только чтобы подсказать мне, когда и куда поворачивать. Я рассказываю ему о нашей с папой страсти к музыке. Рассказываю о том, что папа умер от сердечного приступа – совершенно неожиданно. Рассказываю о подарке, который предназначался мне на день рождения, о концерте, на который мы так и не сходили. Не знаю, что со мной, но я просто не могу сдержаться. Обычно я не делюсь сокровенным со всеми подряд, тем более с малознакомыми людьми. Тем более с малознакомыми парнями. Я продолжаю рассказывать и вдруг обнаруживаю, что мы уже приехали и даже припарковались перед продуктовым магазином.

– Ничего себе, – удивляюсь я, взглянув на часы. – А поближе магазина тут нет? Мы же целых двадцать минут ехали.

– Ну, просто мы ехали не самым коротким путем, – подмигивает Уилл и выходит из машины.

Он явно со мной заигрывает! А мне это явно нравится!

Снежные хлопья постепенно превращаются в дождь. Уилл берет меня за руку, и мы со всех ног бежим через парковку.

– Бежим! – подгоняет меня он, а потом ловит за руку и тащит к входной двери.

Задыхаясь и смеясь, мы влетаем в магазин, стряхивая капли дождя с одежды. Я снимаю куртку и трясую ее и вдруг чувствую, как рука Уилла легко скользит по моей щеке, убирая прилипшую мокрую прядь волос. Рука холодная. Но как только его пальцы касаются моей кожи, щеки начинают гореть – какой уж тут холод! Он перестает улыбаться, и мы долго смотрим друг другу в глаза. Я все еще никак не могу привыкнуть к тому, что со мной происходит в его присутствии: едва осязаемое касание и простейшие жесты сводят меня с ума.

Я откашливаюсь, отвожу взгляд, хватаю первую попавшуюся тележку и вручаю Уиллу список.

– А у вас тут всегда в сентябре снег идет? – спрашиваю я, пытаюсь сделать вид, что его прикосновение меня совершенно не взволновало.

– Да нет, это всего на несколько дней, ну, может, на недельку. Обычно снег выпадает не раньше конца октября. Это вам так повезло.

– Повезло?!

– Да. Пришел холодный фронт. Такое случается редко. Так что вы как раз вовремя приехали.

– Хм... здешние, наверное, снег терпеть не могут? Еще бы, если он идет большую часть года...

- «Здесьние»? - со смехом переспрашивает Уилл.

- А что?!

- Ничего-ничего, - улыбается он. - Просто я впервые слышу, чтобы кто-то называл местных «здесьние». Зато так мило! Настоящий южный диалект!

- Ах, простите! Отныне буду говорить, как все янки, и тратить свое драгоценное время и дыхание на то, чтобы сказать: «Все живущие здесь люди»!

- О нет, пожалуйста, не надо! Мне нравятся твои словечки - они просто великолепны! - смеется он, толкая меня плечом.

Уму непостижимо! Неужели я превращаюсь в девчонку, которая готова пищать от восторга при виде любого парня?! Фу, какая гадость! Я пристально разглядываю его, пытаюсь найти хоть какой-то изъян, и не нахожу: он само совершенство!

Мы покупаем все по списку и подходим к кассе. Уилл не разрешает мне ставить продукты на ленту, поэтому я просто стою рядом и смотрю, как он разгружает тележку. Под конец он кладет на ленту упаковку пластыря. Надо же, а я даже не заметила, когда он успел его взять!

Мы отъезжаем от магазина, и Уилл велит мне повернуть в сторону, противоположную той, откуда мы приехали. Мы проезжаем два квартала, поворачиваем налево - и вдруг оказываемся на нашей улице! Дорога туда заняла у нас двадцать минут, а обратная - максимум минуту!

- Как мило, - ехидно замечаю я, паркуясь перед домом.

Я прекрасно понимаю, что он сделал это специально и флиртует со мной совершенно в открытую.

Уилл уже стоит у багажника, поэтому я нажимаю кнопку, и дверца медленно поднимается. Я выхожу из машины, ожидая увидеть его с кучей пакетов в руках, но он просто стоит у открытого багажника и смотрит на меня. Пытаюсь изобразить из себя знойную южную красотку, я кладу руку на грудь и

произношу:

– О боже правый! Без вас я в жизни не нашла бы этот магазин! Сударь, благодарю за вашу радушную помощь!

Вообще-то, я ожидала, что он засмеется, а он молчит и не сводит с меня глаз.

– Что такое? – нервно спрашиваю я.

Уилл делает шаг вперед и ласково берет меня за подбородок. Я в полном шоке от собственной реакции, от того, что я ему позволяю. Он внимательно смотрит на меня, и мне кажется, что сердце сейчас выпрыгнет из груди. По-моему, он меня сейчас поцелует!

Я стараюсь дышать ровно и не отвожу взгляда. Он подходит ко мне вплотную, убирает руку с подбородка, осторожно кладет ее мне на затылок, чуть наклоняет мою голову к себе и нежно целует в лоб. Поцелуй длится несколько секунд, потом он отпускает меня и делает шаг назад.

– Ты такая милая, – произносит он, потом одним ловким движением вытаскивает из багажника все четыре пакета, подходит к крыльцу и ставит пакеты перед дверью.

В оцепенении я пытаюсь переварить то, что случилось за последние пятнадцать секунд моей жизни. Как так вышло?! Почему я позволяю ему так себя вести? Несмотря на все мое возмущение, я вдруг с ужасом понимаю, что он первый, кто поцеловал меня с такой страстью! Причем в лоб. С ума сойти!

* * *

Уилл достает из багажника оставшиеся пакеты, и тут из дома выбегают Кел и Колдер, а следом выходит моя мама. Мальчики пулей проносятся мимо нас на другую сторону улицы – Колдеру нужно срочно показать Келу свою комнату. Уилл вежливо здоровается с моей мамой и жмет ей руку:

– Вы, наверное, мама Кела и Лейкен? Меня зовут Уилл Купер, мы живем через дорогу от вас.

– Джулия Коэн, – представляется мама. – А ты старший брат Колдера?

– Да, мэм. У нас разница двенадцать лет.

– Значит, тебе... двадцать один, да? – спрашивает мама, украдкой подмигивая мне.

Я стою у Уилла за спиной, поэтому безнаказанно отвечаю ей весьма красноречивым взглядом.

Она улыбается и снова обращается к Уиллу:

– Что ж, я рада, что у Кела и Лейк так быстро появились новые друзья.

– Я тоже, – отвечает он.

Мама поворачивается и идет к дому, но, проходя мимо, слегка задевает меня плечом. Она не говорит ни слова, но я прекрасно понимаю намек: кандидат прошел первую проверку.

– Лейк? Прикольно, – замечает Уилл, доставая из машины последние два пакета, и захлопывает багажник. – Итак... Лейк. Мы с Колдером в пятницу уезжаем в Детройт, – сообщает он, прислонившись к машине и скрестив руки на груди. – Дела семейные, вернемся в воскресенье вечером. Я вот тут подумал... Ты не занята завтра вечером? До моего отъезда?

Первый раз в жизни кто-то, кроме мамы и папы, назвал меня Лейк! И мне это нравится! Я прислоняюсь плечом к машине и смотрю Уиллу в глаза, стараясь казаться невозмутимой, хотя на самом деле готова прыгать от радости.

– Значит, ты все-таки хочешь заставить меня признаться в том, что я совершенно свободна и делать мне здесь нечего? – спрашиваю я.

– Отлично! В таком случае приглашаю тебя на свидание! Зайду за тобой в половине восьмого.

Уилл быстро разворачивается и идет к своему дому, а я стою и думаю о том, что, вообще-то, он даже не поинтересовался, согласна ли я, а я не дала своего согласия.

Глава 2

It won't take long for me

To tell you who I am.

Well you hear this voice right now

Well that's pretty much all I am.

«The Avett Brothers». Gimme a kiss [4 - Не надо много слов, чтобы рассказать тебе, кто я такой. Ты ведь слышишь мой голос? Вот кто я такой. «Братья Эйвитт». Поцелуй меня]

На следующий день я пытаюсь решить, что надеть, но не могу найти ничего чистого и соответствующего погоде. У меня не так много теплых вещей, кроме тех, которые я уже надевала на этой неделе. В конце концов я останавливаюсь на фиолетовом свитере, принохиваюсь, пытаюсь понять, чистый он или нет, и на всякий случай сбрызгиваю его духами. Иду в ванную, чищу зубы, подправляю макияж и чищу зубы еще раз, а потом распускаю волосы. Едва я успеваю накрутить пару-тройку локонов и достать из ящичка серебряные сережки, как раздается стук в дверь.

Входит мама со стопкой полотенец в руках и убирает их в шкафчик рядом с душем.

– Куда-то собираешься? – спрашивает она, присаживаясь на край ванны, пока я продолжаю собираться.

– Ну да, собираюсь, – едва сдерживая улыбку, отвечаю я и надеваю сережки. Если честно, я сама не очень понимаю, что происходит, ведь я же не

соглашалась пойти с ним на свидание!

Мама встает, подходит к двери, облокачивается о косяк и смотрит на мое отражение в зеркале. Всего за несколько месяцев, прошедших после смерти папы, она очень постарела. Раньше при виде ее сияющих изумрудных глаз и восхитительной фарфоровой кожи захватывало дух. А теперь скулы выпирают над впалыми щеками, под глазами залегли тени. Она выглядит усталой... И печальной.

– Что ж, тебе уже восемнадцать... Я уже успела надавать тебе чересчур много советов по поводу того, как вести себя на свиданиях, – на всю жизнь хватит. Но на всякий случай давай повторим главное: не заказывай ничего с луком или чесноком, всегда следи за своим бокалом и обязательно предохраняйся...

– Ну мама! – Я демонстративно закатываю глаза. – Ты же знаешь, что я знаю правила, а насчет последнего тебе точно нечего беспокоиться! И пожалуйста, не вздумай ознакомить со списком правил Уилла, обещаешь?

Мама согласно кивает:

– А теперь... Расскажи о нем. Он работает? Учится? Какая у него специальность? Может, он серийный убийца? – с искренним интересом заканчивает она.

Я иду из ванной в свою комнату и наклоняюсь, чтобы выбрать обувь. Мама идет следом и присаживается на кровать.

– Если честно, мама, я о нем не знаю ровным счетом ничего. Даже понятия не имела, сколько ему лет, пока он тебе не сказал.

– Вот и хорошо.

– Хорошо?! – удивляюсь я. – Разве хорошо ничего не знать о человеке, с которым собираешься провести наедине несколько часов? А вдруг он и правда серийный убийца?! – восклицаю я, садясь на кровать рядом с мамой, чтобы надеть сапоги.

– Зато будет о чем поговорить. А что еще делать на первом свидании?

- Тоже верно, - соглашаюсь я.

В детстве мама всегда давала мне отличные советы. Она всегда знала, что я хочу услышать, но всегда говорила то, что я должна услышать. Папа был ее первым молодым человеком, поэтому мне было ужасно интересно, откуда она столько знает о свиданиях, парнях и отношениях. Она всю жизнь прожила с одним мужчиной, а я всегда думала, что знания в основном получают на практике. Но, видимо, моя мама - исключение.

- Мам? Когда вы с папой познакомились, тебе было всего восемнадцать, - говорю я, надевая сапоги. - Ну, в смысле, в таком юном возрасте встретить человека, с которым потом проведешь всю жизнь... Ты никогда не жалела о своем решении?

Мама отвечает не сразу - ложится на кровать, руки под голову, и задумывается:

- Жалела? Нет, никогда. Сомневалась? Разумеется. Но никогда не жалела.

- А есть разница?

- Да, и немалая. Сожаление - штука бесполезная. Мы просто оглядываемся назад и вспоминаем то, что уже не в силах изменить. А вот когда мы сомневаемся в чем-то, это дает нам шанс в будущем не сожалеть о принятых решениях. Я часто сомневалась в наших с твоим отцом отношениях. Люди постоянно принимают спонтанные решения под горячую руку. Отношения - это не только любовь, а нечто намного-намного большее...

- Поэтому ты всегда говоришь мне, чтобы я думала головой, а не сердцем?

- Знаешь что, Лейк... - Мама резко садится на кровати и берет мои руки в свои. - Хочешь я дам тебе настоящий совет, а не список запрещенных к употреблению на свидании продуктов?

Неужели она что-то скрывала от меня?

- Конечно хочу!

Мама садится по-турецки, поворачивается ко мне, смотрит на меня как-то по-новому: не как мать на дочь, а скорее как женщина на равную ей женщину.

– Прежде чем вступать в серьезные отношения с мужчиной, каждая женщина должна ответить «да» на три вопроса. – Голос ее утратил назидательные нотки. – Если хотя бы на один из них ты отвечаешь «нет», беги от него со всех ног!

– Мам, да это же просто свидание! Вряд ли меня ждут какие-то серьезные отношения, – со смехом протестую я.

– Знаю, Лейк. Но вообще-то, я серьезно. Если ты не можешь утвердительно ответить на эти три вопроса, нечего даже время тратить на такие отношения.

Стоит мне открыть рот, и тут же становится ясно, что я еще ребенок, поэтому я решаю больше не перебивать маму.

– Всегда ли он относится к тебе с уважением? Это первый вопрос. Вопрос номер два: если через двадцать лет он останется таким же, как сейчас, ты все равно захочешь выйти за него замуж? И наконец: хочешь ли тебе стать лучше ради него? Если найдешь человека, в отношении которого сможешь ответить «да» на все три вопроса, значит тебе повезло: он именно тот, кто тебе нужен.

Я глубоко вздыхаю, пытаюсь осознать очередной, еще более мудрый, чем обычно, совет.

– Ого... непростые вопросы, – наконец произношу я. – А ты могла ответить «да» на все три, когда вы с папой были вместе?

– Без сомнения, – уверенно отвечает она. – Я отвечала «да» каждую секунду нашей совместной жизни.

В ее взгляде сквозит печаль. Она любила папу. Я уже жалею, что заговорила о нем, поэтому просто обнимаю ее, вдруг понимая, что не делала этого очень давно, и ощущаю острый укол совести. Мама целует меня в макушку и отстраняется с улыбкой.

Я встаю с кровати и одергиваю свитер:

- Ну, как я выгляжу?

- Совсем взрослая, - вздыхает мама.

Ровно в семь тридцать я иду в гостиную, беру куртку, как накануне строго-настрого наказал мне Уилл, и подхожу к окну. Он как раз вышел из дома, поэтому я тоже одеваюсь и выхожу на крыльцо. Открыв дверцу машины, он оглядывается, замечает меня и кричит через улицу:

- Ты готова?

- Да!

- Тогда поехали!

Я не двигаюсь с места. Стою как вкопанная, скрестив руки на груди.

- Это еще что значит?! - смеется он и поднимает руки, словно сдаваясь.

- Ты сказал, что зайдешь за мной в семь тридцать! Вот я и жду, пока ты за мной зайдешь!

Уилл с усмешкой садится в машину, сдает назад и въезжает в наш двор так, что пассажирская дверь оказывается прямо передо мной. Поспешно выскочив из машины, он обегает ее и распахивает передо мной дверцу. Прежде чем сесть, я украдкой бросаю на него взгляд: на нем широкие джинсы и черная рубашка с длинными рукавами, плотно обтягивающими бицепсы. И тут я вдруг вспоминаю, что надо отдать ему куртку.

- О, спасибо, - с улыбкой благодарит он, засовывая руки в рукава: она даже пахнет мной.

Уилл ждет, пока я пристегнусь, закрывает дверь и идет на свое место. В машине пахнет... сыром! Но не старым и затхлым, а свежим! Кажется, чеддером. У меня урчит в животе от голода. Интересно, где мы будем ужинать?

– Времени заезжать куда-нибудь поесть нет, поэтому я приготовил нам горячие сэндвичи с сыром, – объясняет Уилл, садясь в машину и доставая с заднего сиденья пакет, он протягивает мне сэндвич и бутылку лимонада.

– О, отлично! – радуюсь я и открываю лимонад. – А куда мы так торопимся? Судя по всему, не в ресторан.

– Сюрприз, – отвечает он, разворачивая свой сэндвич, и продолжает с набитым ртом, держа руль свободной рукой: – Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты обо мне, поэтому сегодня решил дать тебе возможность восполнить пробел.

– Что ж, я заинтригована, – честно отзываюсь я.

Мы доедаем сэндвичи, я убираю мусор в пакет и бросаю его на заднее сиденье. На какое-то время повисает неловкое молчание. Я лихорадочно пытаюсь придумать, о чем бы поговорить, чтобы его нарушить, и в конце концов решаю расспросить Уилла о его семье.

– А кто твои родители? Какие они?

Он делает глубокий вдох, медленно выдыхает, как будто мой вопрос показался ему неуместным, а потом подмигивает мне и усаживается поудобнее.

– Я не очень-то разговорчив, Лейк. Давай я расскажу тебе попозже, а пока придумаем что-нибудь поинтереснее.

Сосредоточиться на дороге, не разговаривать, придумать что-нибудь поинтереснее... Я мысленно прокручиваю все это в голове и надеюсь, что мои подозрения окажутся безосновательными. Уилл видит мою растерянность и понимает, о чем я думаю.

– Лейк, да нет же! – со смехом говорит он. – Я просто имел в виду, что лучше нам поговорить не о том, о чем принято говорить на первом свидании.

– Согласна. – Я облегченно вздыхаю. Зря я подумала о нем плохо.

- Я знаю одну классную игру, называется «Ты бы предпочел...». Знаешь правила?

- Нет, но я бы предпочла, чтобы ты начал.

- Ладно, - соглашается он, откашливается и, немного помедлив, повторяет: - Ладно. Ну, например, ты предпочла бы провести остаток жизни без рук или с руками, которые тебе не подчиняются?

Какого черта?! Скажу честно, это свидание начинается совсем не так, как все, на которых я бывала до этого! Хотя, с другой стороны, неожиданности - это приятно.

- Ну-у-у... думаю, что я бы предпочла провести остаток жизни с руками, которые мне не подчиняются...

- Неужели? Серьезно?! Но ты же не сможешь их контролировать! - Уилл энергично взмахивает руками. - Они делают, что им вздумается, и, скажем, все время лупят тебя по лицу. Или, того хуже, хватают нож и втыкают его в тебя же.

- А что, в этой игре есть правильные и неправильные ответы?! - смеюсь я.

- Первое очко продула, - поддразнивает Уилл. - Теперь твоя очередь.

- Ладно, дай подумать...

- Надо сразу говорить.

- Господи, Уилл! Да я же узнала о существовании этой игры тридцать секунд назад! Погоди, сейчас придумаю...

- Да я шучу, - успокаивает он, слегка сжимая мою руку, а потом подсовывает свою ладонь под мою, и наши пальцы переплетаются.

Все происходит так легко и непринужденно, как будто мы держимся за руки уже не первый год. Пока что на этом свидании все вообще легко и непринужденно. Мне нравится его чувство юмора. Нравится, что мы много смеемся, - я не веселилась так уже несколько месяцев. Нравится, что мы держимся за руки.

Очень нравится!

- Ну вот, придумала! Ты предпочел бы пигсать на себя один раз в день в непредсказуемый момент? Или пигсать на кого-нибудь другого?

- Ну, смотря на кого... А можно пигсать на людей, которые мне не нравятся? Или это тоже непредсказуемо?

- Непредсказуемо.

- Тогда на себя, - уверенно отвечает он. - Моя очередь. Ты предпочла бы быть ростом метр двадцать или два десять?

- Два десять.

- А почему?

- Спрашивать «почему?» - не по правилам! Ладно, давай дальше: ты предпочел бы каждый день выпивать пять литров свиного жира на завтрак или съесть два с половиной кило попкорна на ужин?

- Два с половиной кило попкорна.

Мне нравится эта игра! Нравится, что он не пытается произвести на меня впечатление ужином в дорогом ресторане. Нравится, что я понятия не имею, куда мы едем. Нравится даже то, что он не сказал, как мне идет этот свитер, - с этого обычно начинается любое свидание. Словом, пока что нравится все. Как по мне, если бы мы еще пару часов покатались, играя в эту игру, это все равно было бы самое классное свидание из всех, на которые я ходила.

Но нет, вскоре мы останавливаемся перед каким-то зданием, и я тут же напрягаюсь, увидев вывеску: «Клуб „ДЕВУТЬ“».

- Ммм... Я не танцую, - дрожащим голосом признаюсь я, надеюсь, что он проявит ко мне сочувствие.

- Ммм... я тоже.

Мы выходим из машины. Не знаю, кто из нас первый протягивает руку, но под покровом темноты наши пальцы снова переплетаются. Уилл берет меня за руку и ведет ко входу. Подойдя поближе, я читаю висящее на двери объявление.

Закрыто на слэм

по четвергам

с 8:00 – до упора

Вход: Бесплатный

Плата за участие в слэме: \$3

Уилл открывает дверь, не обращая внимания на объявление. Я хочу сказать ему, что клуб закрыт, но, похоже, он знает, что делает. Тишина сменяется шумом толпы. Мы проходим через холл и оказываемся в зале. Справа от нас пустая сцена, на танцполе расставлены столики и стулья, свободных мест практически нет. За одним из столиков у сцены сидят подростки, лет по четырнадцать. Уилл поворачивает налево, в сторону уютной кабинки в самом конце зала.

– Тут потише, – объясняет он.

– А у вас тут со сколько лет можно ходить по клубам? – спрашиваю я, недоуменно рассматривая компанию детишек, которым здесь явно не место.

– Ну, сегодня это не клуб, – объясняет он, пока мы усаживаемся за столик в полукруглой кабинке, лицом к сцене.

Ядвигаюсь к самой середине дивана, чтобы было лучше видно. Уилл пристраивается рядом.

– Сегодня вечером будет слэм. По четвергам клуб закрыт, и сюда приходят те, кто хочет выступить.

- А что такое слэм? - спрашиваю я.

- Слэм - это поэзия, - с улыбкой отвечает он. - Это то, чем я увлекаюсь.

Неужели так бывает? Ужасно симпатичный парень, который умеет меня рассмешить, да еще и любит поэзию?! Ущипните меня, я сплуну! Хотя нет, лучше не будите, я не хочу просыпаться!

- Поэзия, значит? А свои стихи читают или чужие?

- Люди поднимаются на сцену... - Уилл смотрит в ту сторону, и глаза его горят. - Словами и движениями они изливают душу. Это потрясающе! Стихи Дикинсон[5 - Эмили Элизабет Дикинсон (1830-1886) - американская поэтесса. Ее личность и судьба стали легендой, символом высокого духа и мудрой простоты.] или Фроста[6 - Роберт Ли Фрост (1874-1963) - один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулицеровской премии (1924, 1931, 1937, 1943).] ты здесь вряд ли услышишь.

- Это что-то вроде конкурса?

- Сложно сказать... В разных клубах по-разному. Обычно во время слэма жюри наугад выбирает нескольких человек из зала, и тот, кто набирает больше всего баллов к концу вечера, выигрывает. По крайней мере, здесь это происходит так.

- А ты участвуешь?

- Иногда. Бывает, сижу в жюри, в другие дни просто смотрю.

- А сегодня ты будешь выступать?

- Не-е-ет, сегодня я просто зритель. У меня пока нет ничего нового.

Я разочарована. Вот бы увидеть его на сцене! Понятия не имею, какие здесь читают стихи, но хотелось бы посмотреть, как Уилл выступает.

- Ну во-о-от, - расстроено вздыхаю я.

Некоторое время мы молча разглядываем толпу зрителей. Уилл пихает меня локтем в бок:

- Хочешь чего-нибудь?

- С удовольствием. Шоколадное молоко, пожалуйста.

- Шоколадное молоко?! Серьезно? - недоверчиво усмехается он.

- Со льдом, - киваю я.

- Что ж, ладно. - Уилл выскальзывает из-за стола. - Ваше шоколадное молоко со льдом будет буквально через минуту.

Он уходит, а на сцену тем временем поднимается ведущий и пытается завести публику. Все толпятся у сцены, в нашем конце зала никого не осталось, поэтому я немного стесняюсь, но вместе со всеми громко ору: «Да-а-а-а!» Но потом втискиваюсь поглубже в диван и решаю, что будет лучше, если этим вечером я просто посмотрю на все со стороны.

Ведущий объявляет, что пора выбирать судей, и толпа взрывается криком: почти все хотят, чтобы выбрали именно их. Вскоре пятеро счастливых оказываются за столом жюри. Уилл подходит к нашей кабинке с напитками в руках, и тут ведущий объявляет, что настало время жертвы, и выбирает еще одного добровольца.

- А что такое время жертвы? - спрашиваю я.

- Время жертвы - пробный шар для жюри, - объясняет Уилл, садясь на свое место, но на этот раз словно бы случайно еще ближе ко мне. - Сейчас кто-нибудь выступит вне конкурса, чтобы судьи имели какую-нибудь точку отсчета для выставления баллов.

- Значит, вызвать могут любого? Даже меня? - вдруг занервничав, спрашиваю я.

- Что ж, лучше иметь что-нибудь наготове для такого случая, - улыбается Уилл.

Он делает глоток из своего бокала, а потом откидывается на спинку диванчика и в темноте на ощупь находит мою руку. На этот раз наши пальцы не переплетаются – он кладет мою руку себе на бедро и начинает поглаживать ладонь, лаская каждый ее миллиметр, нежно дотрагиваясь до каждого пальца. От его прикосновения меня словно бьет разрядами электрического тока.

– Лейк, – тихо говорит он, продолжая легко скользить кончиками пальцев по моей руке, – не знаю почему... но ты мне очень нравишься.

Он берет меня за руку и переключает внимание на сцену. Я делаю глубокий вдох, беру свободной рукой шоколадное молоко и залпом выпиваю весь стакан. Лед со дна приятно холодит губы – немножко остыть мне сейчас не помешает...

На сцену вызывают молодую женщину, на вид лет двадцати пяти. Она подходит к микрофону и сообщает, что выступит со стихотворением под названием «Голубой свитер». В зале гаснет свет, лишь луч прожектора выхватывает из темноты фигуру выступающей. Она берет микрофон в руки и делает шаг вперед, опустив взгляд в пол. Толпа затихает, в тишине слышно только ее дыхание, многократно усиленное колонками.

Не поднимая глаз, она подносит руку к микрофону и начинает равномерно постукивать по нему, имитируя биение сердца. Я вдруг замечаю, что практически не дышу.

Бум-бум

Бум-бум

Бум-бум

Слышишь?

(Она произносит слово «слышишь» нараспев.)

Это бьется мое сердце.

(Она снова стучит по микрофону.)

Бум-бум

Бум-бум

Бум-бум

Слышишь? Это бьется твое сердце.

(Она начинает говорить быстрее и намного громче.)

Это случилось в первый день октября. Я надела голубой свитер, знаешь, тот, что купила у «Дилларда». Ну тот, с двойной каймой по краю и отверстиями на концах рукавов, чтобы просунуть туда большие пальцы, если вдруг замерзну, а надевать перчатки не захочется. Тот самый свитер, в котором, как ты сказал, мои глаза напоминают звезды, отражающиеся в океане.

Ты сказал, что будешь любить меня всегда...

А может, ты этого не говорил.

Никогда.

А потом настал первый день декабря. Я надела голубой свитер, ну знаешь, тот, что купила у «Дилларда». Ну тот, с двойной каймой по краю и отверстиями на концах рукавов, чтобы просунуть туда большие пальцы, если вдруг замерзну, а надевать перчатки не захочется. Тот самый свитер, в котором, как ты сказал, мои глаза напоминают звезды, отражающиеся в океане.

Я сказала, что у меня три недели задержки.

Ты сказал, что это судьба.

Ты сказал, что будешь любить меня всегда...

А может, ты этого не говорил.

Никогда.

А потом настал первый день мая. Я надела голубой свитер, хотя к этому времени двойная кайма уже поистерлась и каждая нить проверялась на прочность, туго обтягивая мой растущий живот. Ну, ты знаешь. Тот, что я купила у «Дилларда». Тот самый, с отверстиями на концах рукавов, чтобы просунуть туда большие пальцы, если я вдруг замерзну, а надевать перчатки не захочется. Тот самый свитер, в котором, как ты сказал, мои глаза напоминают звезды, отражающиеся в океане.

Тот САМЫЙ свитер, который ты СОРВАЛ с меня, толкнув меня на пол

и назвав шлюхой,

сказав,

что больше

не любишь меня.

Бум-бум

Бум-бум

Бум-бум

Слышишь? Это бьется мое сердце.

Бум-бум

Бум-бум

Бум-бум

Слышишь? Это бьется твое сердце.

(Она долго молчит, прижав руки к животу, по лицу ручьями текут слезы.)

Слышишь? Ну конечно нет. Это молчит мое чрево.

Потому что ты

СОРВАЛ

С МЕНЯ

МОЙ

СВИТЕР!

В зале зажигается свет, зрители одобрительно ревут. С глубоким вздохом я вытираю слезы. Она очаровала меня своим умением держать большую аудиторию, гипнотизировать ее потрясающей силой слова. Всего лишь слогва! Я тут же ощущаю непреодолимое желание слушать еще. Уилл обнимает меня за плечи и откидывается на спинку дивана, увлекая за собой и тем самым возвращая в реальность. Я не сопротивляюсь.

– Что скажешь? – наконец спрашивает он.

Я смиряюсь с неожиданным объятием и кладу голову на плечо Уиллу, а он легонько касается подбородком моей макушки, и некоторое время мы оба

смотрим прямо перед собой.

- Это было просто потрясающе, - шепчу я.

Он дотрагивается до моей щеки, а потом нежно целует в лоб. Закрыв глаза, я думаю о том, каким еще испытаниям подвергнутся мои чувства. Всего три дня назад я была опустошенной, обиженной на весь мир, отчаявшейся. А сегодня впервые за много месяцев проснулась в хорошем настроении. Я кажусь себе уязвимой. Пытаюсь скрыть свои чувства, но кажется, всем окружающим понятно, что? у меня на душе... И мне это не нравится. Не люблю быть открытой для всех книгой. Такое ощущение, как будто я стою на сцене и хочу излить ему свою душу, но та от страха уходит в пятки.

Мы сидим в обнимку, боясь пошевелиться, и слушаем еще нескольких выступающих. Они, как и слушатели, очень разные, но все задевают за живое. Уже давно я так не смеялась и не плакала. Этим поэтам удавалось погрузить меня в совершенно иной мир, заставить посмотреть на вещи под совсем другим углом. Я была матерью, потерявшей ребенка, мальчиком, убившим отца, и даже мужчиной, который впервые в жизни накурился и под кайфом съел пять порций бекона. Я чувствую связь с этими людьми и их историями. А еще чувствую, как связь между мной и Уиллом становится все глубже и глубже. Подумать только, неужели ему тоже хватает смелости выходить на сцену и открывать свою душу перед целой толпой?! Я должна это увидеть, должна увидеть, как он выступает!

Ведущий просит пройти на сцену очередного желающего.

Я поворачиваюсь к Уиллу:

- Нет, так нельзя! Как ты можешь привести меня сюда и не выступить?! Ну пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

- Лейк, ты меня убиваешь, - вздыхает он, откидывая назад голову. - Говорю же, у меня пока нет ничего нового!

- Ну прочитай что-нибудь старое! Или народу слишком много и ты боишься?

– Да нет... – Он с улыбкой прислоняется виском к моей голове. – Но есть в зале одна девушка...

Мне вдруг отчаянно хочется его поцеловать, но я вовремя беру себя в руки и подавляю желание.

– Не заставляй меня умолять, – уговариваю я, картинно сжимая руки под подбородком в молитвенном жесте.

– Ты уже умоляешь! – восклицает он, но после секундной паузы все же убирает руку с моего плеча и наклоняется вперед. – Ладно-ладно, – хмурится он, роясь в карманах. – Но я предупреждал, ты сама напросилась.

Он достает бумажник, и тут ведущий как раз объявляет начало второго раунда.

– Я участвую! – выкрикивает Уилл, вставая и поднимая руку с тремя долларовыми купюрами.

Ведущий прикрывает глаза рукой, вглядываясь в конец зала, чтобы рассмотреть говорящего...

– Дамы и господа, наш постоянный гость и любимец, мистер Уилл Купер! – с улыбкой провозглашает он и насмешливо добавляет: – Как мило с твоей стороны все-таки снизойти до нас!

Уилл проталкивается сквозь толпу, взбегает на сцену и выходит под лучи софитов.

– Что ты нам сегодня прочитаешь, Уилл? – спрашивает ведущий.

– Стихотворение под названием «Смерть», – отвечает Уилл, глядя поверх толпы прямо мне в глаза. Улыбка исчезает с его лица, и выступление начинается.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой жизни.

Люди не любят говорить о смерти, потому что

им становится грустно.

Они не хотят представлять себе, как жизнь будет продолжаться без них:

все, кого они любили, немного погорюют,

но будут продолжать дышать.

Они не хотят думать о том, что жизнь будет продолжаться без них,

Их дети будут расти,

Заключать браки,

Стареть...

Они не хотят представлять себе, как жизнь будет продолжаться без них:

Их вещи продадут,

На медицинской карте поставят штамп «Завершено».

Их имена станут лишь воспоминанием для всех, кого они знают.

Они не хотят представлять себе, как жизнь будет продолжаться без них, поэтому не принимают смерть заранее, предпочитая избегать этой темы,

надеясь и молясь о том, что она непостижимым образом...

минует их.

Забудет о них,

пройдет мимо и заберет следующего в очереди.

Нет, они не хотели представлять себе, как жизнь будет продолжаться...

без них.

Но смерть

никого

не забывает.

Поэтому они столкнулись лоб в лоб со смертью,

Скрывавшейся под личиной автопоезда

в клубах тумана.

Нет.

Смерть не забыла о них.

Если бы они только успели подготовиться, принять неизбежное, построить свои планы, понимая, что на кону не только их жизнь.

По закону в девятнадцать лет меня могли считать взрослым человеком, но

я чувствовал себя всего лишь

девятнадцатилетним.

И был совершенно не готов,

ошеломлен,

тем, что в моих руках оказалась жизнь семилетнего

ребенка.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой жизни.

Уилл выходит из пятна света и спускается со сцены, даже не поинтересовавшись оценками судей. Я вдруг ловлю себя на безумной надежде, что он вдруг заблудится по пути к нашей кабинке и у меня будет время осознать услышанное. Я не знаю, что сказать, ведь я даже не представляла себе, что это и есть его жизнь. Что Колдер – вся его жизнь. Он потрясающе выступил, но услышанное повергло меня в глубочайшую печаль. Вытирая слезы тыльной стороной ладони, я и сама не могу точно сказать, чем они вызваны: тем, что родители Уилла умерли, тем, что на нем лежит такая ответственность, или просто тем, что он сказал правду. Он говорил о смерти, о потере – о тех вещах, над которыми люди задумываются слишком поздно. О тех вещах, с которыми я, к сожалению, знакома не понаслышке. Уилл, который совсем недавно выходил на сцену, и Уилл, который направляется сейчас ко мне, кажутся совершенно разными людьми. Я не знаю, что делать, я растеряна, но главное – я в восторге! Он был великолепен!

Уилл замечает, что я вытираю глаза.

– Я же предупреждал, – с укором в голосе говорит он и садится рядом, потом берет свой бокал, помешивает соломинкой кубики льда и делает небольшой глоток.

Что же ему сказать? Ведь он только что открыл мне душу.

Меня захлестывают эмоции. Я беру его за руку. Уилл отставляет в сторону бокал и с едва заметной улыбкой поворачивается ко мне, как будто ожидая каких-то слов. Но я молчу, и тогда он осторожно смахивает слезинку с моей щеки и тыльной стороной ладони гладит меня по лицу. Не понимаю, откуда берется это чувство, что мы с ним связаны. Все происходит так быстро. Глядя ему в глаза, я накрываю его руку своей, подношу ее ко рту и нежно целую ладонь. Мне вдруг кажется, что во всем зале нет никого, кроме нас, шум вокруг стихает и словно доносится откуда-то издалека.

Свободной рукой он осторожно касается моей щеки и медленно склоняется ко мне, одновременно притягивая меня навстречу. Закрыв глаза, я ощущаю его дыхание... все ближе и ближе... Его холодные, влажные от коктейля губы едва касаются моих. Он медленно целует сначала нижнюю губу, потом верхнюю. Я прижимаюсь к нему, чтобы ответить на поцелуй, но он легонько отстраняет меня. Удивленно открыв глаза, я вижу, что он улыбается.

- Терпение, - шепчет он, наклоняется ко мне и ласково целует в щеку.

Снова закрыв глаза, я глубоко дышу, пытаюсь успокоиться и подавить в себе нестерпимое желание броситься ему на шею и поцеловать. И как только ему удастся держать себя в руках?! Он прижимается лбом к моему и гладит меня по плечам. Мы открываем глаза, и наши взгляды встречаются. Теперь я наконец понимаю, как моя мама смогла выбрать свою судьбу в восемнадцать лет.

- Ничего себе, - задыхаясь, произношу я.

- Действительно «ничего себе», - соглашается он.

Мы не сводим друг с друга глаз еще несколько секунд, и тут зал снова взрывается криками: объявляют имена участников, вышедших в следующий раунд.

Уилл берет меня за руку.

- Давай уйдем, - шепчет он.

Я выхожу из кабинки, боясь, что вот-вот рухну как подкошенная. Такого со мной еще не было... Ни разу!

Мы встаем, по-прежнему крепко держась за руки. Народу в зале стало еще больше, и Уилл помогает мне протиснуться сквозь толпу. Наконец мы выходим на парковку. Лишь выйдя на улицу и ощутив прикосновение холодного мичиганского воздуха, я понимаю, насколько была разгорячена. Холод возбуждает. А может, холод тут ни при чем – точно не знаю. Единственное, что могу сказать: хотелось бы, чтобы последние два часа моей жизни длились вечно.

– А ты не хотел остаться до конца? – спрашиваю я.

– Лейк, ты много времени провела в дороге, а потом несколько дней распаковывала вещи. Тебе надо выспаться, – говорит он, и при слове «выспаться» я непроизвольно зеваю.

– Выспаться... Да, идея неплохая.

Он открывает пассажирскую дверь, но сначала обнимает меня и крепко прижимает к себе. Несколько минут мы стоим неподвижно, будто стараясь остановить мгновение. Я могла бы привыкнуть к этому, думаю я и удивляюсь самой себе, ведь я всегда была недотрогой. Рядом с Уиллом я открываю в себе новые стороны, о существовании которых даже не подозревала.

Нам все-таки удастся оторваться друг от друга и сесть в машину. Мы выезжаем с парковки, я прижимаюсь щекой к окну и смотрю в боковое зеркало, наблюдая, как клуб постепенно удаляется.

– Уилл... – шепчу я, не отрывая взгляда от исчезающего позади здания. – Спасибо тебе!

Он берет меня за руку, и вскоре я засыпаю с улыбкой на лице.

Я просыпаюсь оттого, что он открывает дверь: мы уже перед моим домом. Уилл помогает мне выйти из машины. Даже не помню, когда я в последний раз умудрялась так крепко заснуть в дороге. Уилл прав: я действительно устала. Я протираю глаза и зеваю, пока он ведет меня к двери. Он обнимает меня за

талию, а я обвиваю руками его плечи. Мы идеально подходим друг другу по росту. Его теплое дыхание касается моей шеи, и по телу пробегает дрожь. Неужели мы познакомились всего три дня назад? Мне кажется, мы вместе уже много лет.

- С ума сойти, - говорю я, - тебя не будет целых три дня! Столько же, сколько мы с тобой знакомы!

- Это будут три самых длинных дня в моей жизни, - смеется он, обнимая меня еще крепче.

Если я хоть немного знаю свою мать, то наш разговор однозначно подслушивают, поэтому я испытываю некоторое облегчение, когда на прощание он просто целует меня в щеку, а потом медленно отступает назад, его пальцы выскользывают из моих, и он идет к машине. Моя рука безжизненно висит вдоль тела, я стою на крыльце и смотрю ему вслед. Он заводит двигатель и опускает окно.

- Лейк, до дома путь не близкий, - говорит он. - Может, поцелуешь меня на дорожку?

Смеясь, я подхожу к машине и наклоняюсь к нему, ожидая еще одного поцелуя в щечку, но Уилл вдруг обнимает меня за шею, привлекает к себе и целует в губы. На этот раз мы не пытаемся сдерживать чувства, и поцелуй получается долгим. Я глажу его по волосам, едва сдерживая желание распахнуть дверцу машины и забраться к нему на колени.

Наконец поцелуй все-таки заканчивается, но губы по-прежнему соприкасаются, и мы не в силах оторваться друг от друга.

- Черт побери, - шепчет он, - с каждым разом все лучше и лучше!

- Увидимся через три дня, - обещаю я и шутливо прошу: - Будь осторожен в дороге.

Поцеловав его напоследок, я отступаю от окна.

Он задом выезжает из двора и сворачивает на парковку перед своим домом. Мне так и хочется побежать за ним следом и поцеловать еще раз, чтобы проверить его теорию. Мне удастся устоять перед искушением, и я делаю шаг в сторону дома.

- Лейк!

Я оборачиваюсь. Уилл выскакивает из машины и бежит ко мне.

- Забыл сказать тебе кое-что важное, - с улыбкой заявляет он, заключая меня в объятия. - Ты сегодня прекрасно выглядишь!

Он целует меня в макушку, выпускает из объятий и направляется обратно к дому. Может быть, я ошибалась - ну, насчет того, что мне нравится, что он не говорит мне комплиментов? Однозначно ошибалась!

Дойдя до двери, он с улыбкой оборачивается и входит в дом.

Как я и предполагала, мама сидит на диване с книжкой и пытается сделать вид, что погружена в чтение.

- Ну, как прошло? Он оказался серийным убийцей?

По-дурацки улыбаясь, я подхожу к дивану напротив, падаю на него, словно тряпичная кукла, и вздыхаю:

- Ты, как всегда, оказалась права, мама. Обожаю Мичиган!

Глава 3

But I can tell by watching you

That there's no chance of pushing through

The odds are so against us

You know most young love, it ends like this.

«The Avett Brothers». I Would Be Sad[7 - Но, глядя на тебя, могу сказать:С тобой нам вместе не бывать,Ведь против нас судьба сама,И первая любовь тебе и мне не суждена.«Братья Эйвитт». Мне будет грустно]

Утром в понедельник я нервничаю куда сильнее, чем ожидала. Последнее время все мои мысли были заняты только Уиллом, поэтому я не успела морально подготовиться к судному дню – точнее, к первому дню в новой школе.

На выходных мы с мамой наконец-то выбрались прогуляться по магазинам и купили теплой одежды. Я надеваю приготовленный с вечера наряд и новые зимние ботинки. Волосы оставляю распущенными, но на всякий случай надеваю на запястье резинку, потому что в какой-то момент наверняка захочется сделать хвост.

Выйдя из ванной, я захожу на кухню, хватаю валяющийся на барной стойке рюкзак и расписание. Вчера мама первый раз работала в больнице в ночную смену, поэтому я согласилась отвезти Кела в школу. В Техасе мы с ним ходили в одну школу. Вообще-то, в нашем захолустье и была всего одна школа. А вот здесь школ так много, что мне пришлось распечатать карту района, чтобы доставить братишку по адресу и ничего не перепутать.

Едва мы подъезжаем к зданию начальной школы, Кел тут же замечает Колдера, выскакивает из машины и бросается к нему, даже не попрощавшись. У него в жизни все так просто...

К счастью, начальная школа находится всего в нескольких кварталах от средней, так что в запасе немного времени, чтобы найти, где у меня будет первый урок. Я въезжаю на парковку возле массивного здания, которое, как мне кажется, и есть моя будущая школа, и долго ищу, где встать. Наконец нахожу свободное место в самом дальнем конце. Рядом с машинами стоят школьники и оживленно болтают между собой. После некоторых колебаний я нерешительно выбираюсь из машины, но понимаю, что, вообще-то, никто не обращает на меня ровным счетом никакого внимания. Ничуть не похоже на типичную сцену из кино: новенькая девочка выходит из машины, судорожно прижимая к груди

книги, все оборачиваются, замирают и замороженно смотрят на нее. А здесь я чувствую себя практически невидимкой, и это меня вполне устраивает.

Первый урок, математика, прошел гладко – даже на дом ничего не задали. Это очень кстати, потому что я собираюсь провести вечер с Уиллом. Утром, садясь в машину, я обнаружила на стекле записку: «Ужасно хочу тебя видеть. Буду дома к четырем».

Осталось семь часов и три минуты.

История тоже дается мне без проблем: тему урока – Пунические войны – я совсем недавно проходила в старой школе. Мне сложно сосредоточиться, потому что я в буквальном смысле считаю минуты. Учитель рассказывает скучно и монотонно. Если предмет мне неинтересен, я обычно начинаю думать о чем-нибудь постороннем. Например, об Уилле. Я старательно конспектирую лекцию, чтобы хоть как-то сосредоточиться, и тут кто-то тыкает меня в спину.

– Привет, дай посмотреть твое расписание, – приказывает мне соседка сзади.

Я потихоньку достаю расписание, складываю его в несколько раз, зажимаю в кулаке, завожу руку за спину и бросаю расписание на парту.

– Ой, да ладно тебе, – нарочито громко шепчет она. – Мистер Хансон мало того что подслеповат, так еще и тугоух, так что не волнуйся.

– Ясно, – хихикаю я, дожидаясь, пока мистер Хансон подойдет к доске и оборачиваюсь. – Меня зовут Лейкен.

– А я Эдди. Знаю-знаю, и не смотри на меня так, – возмущается она, заметив мой удивленный взгляд. – В нашей семье это частое имя. – И с шутливой угрозой добавляет: – Учти, назовешь меня Эдди-спагетти – задницу надеру!

– Ладно, буду иметь в виду.

– О класс, у нас с тобой третий урок совпадает! – радуется новая знакомая, изучив мое расписание. – Аудитория – фиг найдешь! Пойдем вместе, покажу, где это.

Эдди склоняется над партой, чтобы что-то записать, густые светлые волосы закрывают лицо до самого подбородка. У нее асимметричная стрижка, ногти накрашены разными цветами, на каждом запястье штук по пятнадцать браслетов, которые звенят и бряцают, стоит ей пошевелиться. На внутренней стороне левого запястья скромная маленькая татуировка в виде черного сердечка.

Звенит звонок, я встаю и забираю у Эдди расписание. Она залезает мне в карман куртки, достает мой телефон и начинает листать записную книжку. Я разглядываю расписание – на нем зеленой ручкой написаны сайты и телефонные номера. Эдди замечает мое удивление и показывает на первую ссылку:

– Это моя страничка в Facebook, если вдруг не найдешь – у меня еще есть Twitter. Про мой ник на MySpace даже не спрашивай, потому что это полный отстой! – с удивительно серьезным видом рассказывает она, ведя пальцем по списку номеров, нацарапанных на моем расписании. – Это мой мобильный, это домашний, а это телефон пиццерии «Гетти».

– Ты там работаешь?

– Нет, просто у них классная пицца, – отвечает она и направляется к двери, но тут же останавливается и отдает мне телефон. – Я позвонила себе с твоего телефона, так что теперь у меня тоже есть твой номер. А, и еще! Тебе надо зайти в канцелярию перед следующим уроком!

– А зачем? Я думала, мы сейчас вместе пойдем... – Я пребываю в легком шоке от своей новой подруги.

– Ты обедаешь во вторую смену, а я в первую. Попроси их, чтобы перевели тебя в первую, встретимся на третьем уроке, – выпаливает Эдди и уходит.

Как ни в чем не бывало.

* * *

Канцелярия находится в этом же коридоре, через две комнаты. Секретарша по имени миссис Алекс в совершенстве владеет искусством закатывания глаз и с

гордостью демонстрирует свой талант, заново распечатывая мне и без того новое расписание, и тут звенит второй звонок на третий урок.

– Не подскажите, в какой аудитории факультатив по английскому? – спрашиваю я уже в дверях.

Она долго и запутанно объясняет мне, где это находится, как будто я знаю, где у них тут аудитория «А» и аудитория «Д». Терпеливо дожидаюсь, пока она закончит свой монолог, и выхожу в коридор, не имея ни малейшего понятия, куда идти.

Пройдя по трем разным коридором, дважды вломившись не в ту аудиторию и один раз – в подсобку, я заворачиваю за угол и наконец-то с облегчением обнаруживаю табличку «Аудитория „Д“». Снимаю рюкзак, ставлю его на пол и, держа в зубах расписание, снимаю с запястья резинку. Еще десяти утра нет, а я уже решила убрать волосы в хвост – плохая примета...

– Лейк?

При звуке его голоса сердце чуть не выпрыгивает из груди. Я оборачиваюсь и совсем рядом с собой вижу Уилла. Он явно смущен и растерян. Я вытаскиваю изо рта расписание и, недолго думая, бросаюсь ему на шею:

– Уилл! А ты что тут делаешь?

Он обнимает меня, но всего лишь на секунду, а потом осторожно берет за талию и отодвигает от себя:

– Лейк... Но откуда?.. Что ты тут делаешь?

– Пытаюсь найти аудиторию с этим дурацким факультативом, – вздыхаю я и вручаю ему расписание. – Я совсем заблудилась... Спасай!

– Лейк, подожди... – Он отдает мне расписание, даже не взглянув на него, и пятится к стене.

Я наблюдаю за его реакцией: Уилл в ужасе оттого, что встретил меня. Он отворачивается и сцепляет руки на затылке. Не понимаю, что происходит. Я жду объяснений, и тут до меня доходит! Он пришел к своей девушке! К девушке, о которой он чисто случайно позабыл рассказать! Я хватаю рюкзак и бросаюсь было прочь, но он хватает меня за руку и останавливает:

- Ты куда?

- Да я все поняла, Уилл, - закатывая глаза и слегка вздыхая, отвечаю я. - Я все поняла. Оставляю тебя одного, пока твоя девушка нас не заметила.

Изо всех сил стараясь не разреветься, я отхожу от него подальше и отворачиваюсь.

- Деву... Да нет же! Нет, Лейк! Ты, похоже, не понимаешь...

У меня за спиной раздаются чьи-то шаги, они становятся все громче. Я оборачиваюсь и вижу кого-то из одноклассников, несущегося на всех парах к аудитории «Д».

- О черт, а я-то уж думал, что опоздал! - выпаливает он, заметив нас в коридоре, и останавливается перед дверью аудитории.

- Ты и правда опоздал, Хавьер, - отзывается Уилл, открывает дверь и делает ему знак войти. - Хави, я буду через пару минут. Скажи остальным, что у вас есть пять минут на повторение материала перед тестом.

Уилл закрывает за парнем дверь, и мы снова остаемся наедине. Мне не хватает воздуха, в груди что-то нещадно давит, и я наконец начинаю понимать, что происходит... Но этого не может быть! Это невозможно! Или все-таки возможно?! Но как?!

У меня перехватывает дыхание.

- Уилл, - шепчу я, - только не говори, что ты...

Он краснеет, смотрит на меня с отчаянием и прикусывает нижнюю губу. Потом запрокидывает голову и смотрит в потолок, растирая лицо руками и шагая взад-вперед по коридору, от шкафчиков до аудитории. Я наконец замечаю, что у него на шее болтается преподавательский бедж.

Уилл упирается ладонями в шкафчики несколько раз ударяется лбом о металл, а я стою перед ним и молчу, не в силах даже открыть рот. Он медленно опускает руки и поворачивается ко мне:

- Как же я мог не заметить! Ты все еще учишься в школе?

Глава 4

I am sick of wanting

And it's evil how it's got me

And every day is worse

Than the one before.

«The Avett Brothers». III With Want[8 - Мне надоело хотеть,Но я попался в сеть,И с каждым днемСтановится все хуже.«Братья Эйветт». Я и желание]

Скрестив ноги и сложив руки на груди, Уилл прислоняется спиной к шкафчику и смотрит в пол. Столь неожиданный поворот событий застал меня врасплох, я едва держусь на ногах, поэтому подхожу к стене напротив и опираюсь о нее, чтобы не упасть.

- Я?! А почему мы не говорили о том, что ты работаешь в школе? Как это возможно? Тебе же всего двадцать один! - отвечаю я вопросом на вопрос.

- Послушай, Лейкен, - перебивает он (не Лейк, а Лейкен!), избегая встретиться со мной взглядом, - мы с тобой серьезно недопоняли друг друга и должны

обсудить ситуацию. Но сейчас не самый подходящий момент.

- Согласна... - Я хочу что-то добавить, но не могу - боюсь разреветься.

Дверь в аудиторию Уилла открывается, и на пороге появляется Эдди. Господи, хоть бы оказалось, что моя новая подруга тоже заблудилась. Только бы это не был наш факультатив!

- Лейкен, а я уж собиралась тебя искать! Заняла тебе место, - сообщает Эдди и только тут видит Уилла и понимает, что прервала наш разговор. - Ой, простите, мистер Купер, я вас не заметила.

- Все в порядке, Эдди. Лейкен просто показывала мне свое расписание. - Уилл заходит в аудиторию и придерживает для нас дверь.

Я неохотно следую за Эдди, минуя Уилла и направляюсь к единственному свободному месту - прямо перед учительским столом. И как я высижу целый час в одной аудитории с ним?! Стены пляшут, когда я пытаюсь сфокусировать взгляд, поэтому прикрываю глаза. Мне нужен глоток воды!

- А это еще что за красотуля? - спрашивает парень, которого, как я недавно узнала, зовут Хавьер.

- Умолкни, Хави! - резко затыкает его Уилл, подходя к столу и доставая стопку бумаг.

Некоторые ребята тихонько ахают. Судя по всему, обычно Уилл себе такого не позволяет.

- Да расслабьтесь, мистер Купер! Я ж хотел ей комплимент сделать, она ж красавица, сами посмотрите! - продолжает Хави, развалившись на стуле и не сводя с меня глаз.

- Хави! Вон! - повышает на него голос Уилл и показывает на дверь.

- Мистер Купер, да вы че? Я же говорю, просто она...

– А я говорю: выйди вон! Не позволю неуважительно относиться к женщинам на моих занятиях!

– Отлично! Тогда я пойду поотношусь к ним неуважительно в коридоре, – парирует Хави и забирает со стола учебники.

Он уходит, громко хлопнув дверью. В аудитории повисает мертвая тишина, которую нарушает лишь тиканье секундной стрелки висящих над доской часов. Я не оборачиваюсь, но и так спиной чувствую, что весь класс смотрит на меня, ожидая какой-то реакции. Да, побудешь теперь невидимкой...

– Ребята, у нас новенькая – Лейкен Коэн, – говорит Уилл, пытаюсь разрядить обстановку. – Заканчиваем повторение и убираем конспекты.

– А вы не попросите ее рассказать о себе? – спрашивает Эдди.

– В другой раз, – отвечает Уилл, поднимая стопку бумаг. – А сейчас у нас тест.

Слава богу, что Уилл не заставил меня выйти к доске и рассказать о себе перед классом! Уж что-что, а это я сейчас точно не потяну! В горле словно ватный ком застрял, и мне его никак не проглотить.

– Лейк, – неуверенно произносит Уилл и закашливается, поняв свой промах. – Лейкен, если у тебя есть другие задания, то можешь пока заняться ими. Мы сегодня пишем тест по пройденной главе.

– Лучше я тест напишу, – говорю я, радуясь возможности хоть как-то отвлечься.

Уилл кладет передо мной тест, и на некоторое время я стараюсь сосредоточиться на вопросах в надежде хоть немного отдохнуть от новой, ужасающей реальности. Я отвечаю на вопросы довольно быстро, но все равно продолжаю стирать и переписывать ответы заново, чтобы не думать об очевидном факте: парень, в которого меня угораздило влюбиться, оказался моим учителем...

Звенит звонок с урока, мои новые одноклассники по очереди подходят к Уиллу, складывая тесты ему на стол. Эдди сдает работу и подходит ко мне:

- Ну что, переписалась на другую смену на обед?

- Ага!

- Отлично. Займу тебе место.

Эдди идет к выходу, но вдруг останавливается возле Уилла, достает из сумочки красную коробочку, высыпает из нее несколько мятных пастилок и многозначительно произносит:

- Альтонд.

Уилл непонимающе смотрит на пастилки.

- Просто я тут подумала... «Альтонд» - чудо-средство от похмелья, - объясняет Эдди театрально-громким шепотом, пододвигая к нему пастилки.

Она разворачивается и уходит.

Как ни в чем не бывало!

В аудитории остаемся только мы с Уиллом. Я должна поговорить с ним! У меня столько вопросов, но я понимаю, что момент сейчас неподходящий, поэтому молча подхожу к его столу и кладу свой тест в общую стопку.

- А что, по мне так заметно, какое у меня настроение? - спрашивает он, недоуменно глядя на мятные пастилки.

Я молча беру две пастилки и выхожу из комнаты, так ничего ему и не ответив.

В поисках очередной аудитории, я натываюсь на туалетную комнату и быстро захожу туда, решив провести остаток перемены и обеденный перерыв в этом чудесном месте. Мне неловко, что Эдди ждет меня, но сейчас я просто не могу ни с кем общаться. Поэтому я убиваю время, по несколько раз перечитывая надписи на стенах, - главное дожить до конца этого дня и не разрыдаться.

Последние два урока проходят как в тумане. К счастью, никто из учителей не просит меня «рассказать что-нибудь о себе». Я ни с кем не разговариваю, и ко мне никто не пристаёт. Понятия не имею, задали ли нам что-то на дом, – мои мысли витают совсем далеко от всего этого.

Роясь в сумочке в поисках ключей, я подхожу к машине. Трясущимися руками достаю брелок, начинаю возиться с замком, но роняю ключи на землю. Когда наконец удастся сесть в машину, я стараюсь ни о чем не думать, включаю задний ход, выезжаю с парковки и еду домой. Не хочу думать ни о чем, кроме теплой кровати.

Заехав во двор, я глушу двигатель, но не тороплюсь выходить – не хочу сейчас видеть ни Кела, ни маму. Откинув сиденье, я прикрываю глаза рукой и реву. Раз за разом прокручиваю в голове все случившееся. Как же так вышло, что мы провели вдвоем целый вечер, а я не догадалась, что он учитель? Как получилось, что наш разговор ни разу не коснулся его профессии, я даже не поинтересовалась, чем он занимается? К тому же я полвечера болтала без умолку, но ни словом не упомянула о том, что еще не закончила школу. Ситуация выводит меня из себя. Ведь я так много рассказала ему. Сама виновата, говорю себе я.

Вытерев глаза рукавом, я стараюсь скрыть следы слез. Последнее время это у меня получается все лучше и лучше. Каких-то полгода назад у меня вообще не было поводов для плача. Жизнь в Техасе представлялась простой и понятной: заведенный распорядок дня, куча друзей, любимая школа, любимый дом. После смерти папы я прорыдала несколько недель, пока до меня наконец не дошло, что так я делаю только хуже Келу и маме: они не смогут успокоиться и жить дальше, пока я сама не сделаю этого. Тогда я сознательно начала принимать больше участия в жизни брата. Папа был лучшим другом не только мне, но и ему, и я понимала, что братишке приходится еще тяжелее, чем нам. Я стала ходить с ним на бейсбол, водить его на карате и даже в клуб скаутов-волчат, то есть делать все то, что раньше делал папа. Нам обоим удалось занять себя, и постепенно горе начало ослабевать.

До сегодняшнего дня.

Стук в окно с пассажирской стороны отвлекает меня от невеселых воспоминаний и возвращает к реальности. Не хочу никого видеть и уж тем более ни с кем разговаривать. За окном виднеется чей-то торс и... преподавательский бедж.

Я опускаю солнцезащитный козырек с зеркалом, быстро вытираю растекшуюся под глазами тушь, потом перевожу взгляд на травмированного садового гнома, который смотрит на меня, издевательски ухмыляясь, и нажимаю кнопку снятия блокировки дверей.

Уилл садится на пассажирское сиденье и захлопывает дверцу. Он отодвигает сиденье на несколько сантиметров назад, вздыхает и молчит. Думаю, мы оба не знаем, что сказать. Бросив взгляд в его сторону, я замечаю, что он изо всех сил упирается ногами в пол. Поза напряженная, руки скрещены на груди. Он не отрывает глаз от записки, которую оставил мне сегодня утром, – она так и лежит на торпеде. Наверное, он и правда вернулся домой к четверем.

– О чем ты думаешь? – спрашивает он.

– Я совсем запуталась, Уилл, – отвечаю я, подтягивая к себе правую ногу и обнимая ее обеими руками. – Не знаю, что и думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/kolin-guver/kluchi-ot-tvoego-serdca-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

...Я нахожусь в середине «нигде»,

Поможешь мне превратить его в «где»?

«Братья Эйвитт». Салина

2

Дарт Вегджер, он же Энакин Скайуокер, – главный герой киноэпопеи «Звездные войны».

3

«Братья Эйвитт» («The Avett Brothers») – американская фолк-рок-группа из Северной Каролины. Сет Эйвитт играет на гитаре, его брат Скотт Эйвитт – на банджо. – Здесь и далее примеч. перев.

4

Не надо много слов,

Чтобы рассказать тебе, кто я такой.

Ты ведь слышишь мой голос?

Вот кто я такой.

«Братья Эйвитт». Поцелуй меня

5

Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) – американская поэтесса. Ее личность и судьба стали легендой, символом высокого духа и мудрой простоты.

6

Роберт Ли Фрост (1874–1963) – один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулицеровской премии (1924, 1931, 1937, 1943).

7

Но, глядя на тебя, могу сказать:

С тобой нам вместе не бывать,

Ведь против нас судьба сама,

И первая любовь тебе и мне не суждена.

«Братья Эйвитт». Мне будет грустно

Мне надоело хотеть,

Но я попался в сеть,

И с каждым днем

Становится все хуже.

«Братья Эйветт». Я и желание

Купить: <https://tellnovel.com/kolin-guver/klyuchi-ot-tvoego-serdca-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)